Лунный Свет

Я позвонил ей ночью.

«Я хочу с тобой поговорить».

Я назначил ей встречу, чтобы поговорить с глазу на глаз.

Поскольку встреча, скорее всего, будет долгой, мы решили провести ее в субботу, после работы. Она предложила встретиться у нее дома, но я отказался. Это место никак не ассоциировалось с хорошими воспоминаниями.

Потому она предложила встретиться на холме парка, где нашли ее мать. Мой ответ последовал незамедлительно.

«Хорошо».

Конечно, мне не очень понравилось, что она выбрала тот парк, но вид оттуда весьма радовал глаз.

Если подумать, ее нисколько не удивила моя неожиданная просьба. Она с готовностью согласилась.

Полагаю, она ждала этого дня.

Нет, не так.

Она с нетерпением ждала этого дня.

Вот о чем говорил ее голос – она говорила так, словно речь шла о свидании.

Это была лунная ночь.

Свет золотой луны, смотревшейся королевой среди звезд, очень ярко освещал землю, заставляя забыть, что сейчас ночь.

От этого парка можно было дойти до дома Цукимори за пару минут.

Когда я увидел зеленый забор парка, дыхание участилось настолько, что казалось, что я сейчас упаду в обморок.

Я посмотрел на часы. Был двенадцатый час, потому что я уже успел забежать домой, принять душ и переодеться.

Ну, мне хотелось направиться в парк сразу после работы, но Цукимори сказала «нет».

Она настаивала, чтобы мы приоделись для нашего первого свидания.

Не принимая внимания то, что это было не свидание, я согласился. И правильно сделал.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы отделить себя от повседневной жизни.

Я подошел к парку. В нем не было ничего особенного, просто маленькое местечко, покрытое деревьями, с разбросанным то тут то там игровыми площадками. Единственное, что бросалось в глаза, - белая деревянная башня рядом с обрывом.

Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Свежий воздух заполнил мои легкие. Я медленно выдохнул, в последний раз проверил левый нагрудный карман и вошел в парк.

- Я устала ждать.

Я прищурился и посмотрел туда, откуда исходил голос.

- Но я должен поблагодарить тебя за то, что ты пришла вовремя.

Я затаил дыхание. Белоснежная Цукимори сидела на красных турниках.

- Тебе идет черное, Нономия-кун.

Кроме белой рубашки под пиджаком, я и правда был одет во все черное.

Цукимори хихикнула: «Но именно этого я и ожидала, потому оделась во все белое».

На ней было белое платье, а на ногах белые туфли. На плечи она накинула прозрачную белую шаль, в волосах была белая заколка.

Мне казалось, что сама луна держалась на плечах белой, как снег, Цукимори.

- Начнем наше свидание?

Ёко Цукимори скрестила ноги и оперлась на плечо, слегка откинув голову. Локон прекрасных черных волос спадал на ее губы.

Эта картина была похоже на сон. Я быстро покачал головой, чтобы развеять это впечатление.

- Помнишь, на следующий день после того, как попросила меня встречаться с тобой, ты сказала, что нам необходимо лучше понимать друг друга?

- Да, - она кивнула головой.

- Еще ты сказала, что я могу принять решение, когда мы узнаем друг друга, верно?

- Да, - она прищурила один глаз.

- К несчастью, я все еще не понимаю тебя. Мы пока не можем встречаться.

- Тогда что ты хочешь узнать обо мне?

«Все», - чуть не сказал я. Но, судя по ее уверенной улыбке, я мог спросить только одно.

- Это ты убила ее?

Моментом позже она прыгнула с турников в темное синее небо.

Ее шаль развевалась, как крылья лебедя, а сама она приземлилась так мягко, словно была перышком, упавшим с этих крыльев.

- И о чем это мы говорим?

- Что ж, ты можешь назвать это… - я притворился, что раздумываю, и продолжил со своим обычным безучастным лицом, - разгадкой головоломки Ёко Цукимори.

Цукимори продолжала улыбаться, как и всегда.

- Ясно, похоже, нас ждет кое-что поинтереснее свидания.

Но именно такой я и хотел видеть ее, моего драгоценного врага.

Одно время я думал, что Цукимори никого не убивала, поскольку был уверен, что она не станет так глупо поступать.

Однако с появлением крайне проницательного мужчины ситуация приняла неожиданный оборот. Моя теория была разбита вдребезги парой сомнительных обстоятельств и противоречий, о которых поведал мне Конан.

По правде, мои сомнения неизбежно бы проснулись вновь и без него, учитывая, как хорошо я знал Цукимори и рецепт убийства, случайно попавший ко мне.

Кому-то может показаться странным то, что я уверился в ее невиновности.

Я и вправду думал, что во всем виновата ее мать, потому что рецепт убийства был написан ее рукой. Однако эти улики не доказывали невиновности Цукимори.

Я сам был решающим фактором в своей вере в ее непричастность.

Только теперь я понял, что очень не хочу видеть ее убийцей. Можно сказать, что мое воображение лишь за это и держалось, потому что мне не хотелось терять интересного человека.

Другими словами, ее невиновность была моим капризом.

Я сел на перила, а она забралась на качели.

Я начал объяснять, почему начал сомневался в ней, вспоминая одну причину за другой.

Подозрительно вовремя сделанный звонок из кулинарной школы; беззвучный режим на ее телефоне; ее неестественное поведение, когда она пошла за полотенцем, а не начала искать свою мать, и то, что предсмертная записка была написана не от руки, а напечатана на компьютере. Еще я сказал ей о своей гипотезе, по которой она желала, чтобы именно я нашел предсмертную записку.

Цукимори молча слушала меня и кивала, ничего не отрицая и не подтверждая.

Выслушав меня до конца, она задумчиво взглянула на небо, прежде чем с уверенностью спросить: «Это ведь наблюдения Конана-сана?»

Я кивнул головой. Все верно, большую часть аргументов я почерпнул из бесед с Конаном.

- Но я согласен с ним, так что можешь считать их моими.

Цукимори притворно удивилась.

- Так вы об этом шушукались все время? – она нахмурилась и слегка надула губы. – Как подло! Вы оба меня подозреваете?

- Нет, - я покачал головой. – Конан-сан к этому делу больше не причастен. Я – единственный, кто подозревает тебя.

Она восхищенно ахнула: «Не верится, Конан-сан больше не подозревает меня, а ведь он был так настойчив. Что за магию ты использовал, Нономия-кун?

- Все благодаря твоей подсказке, - туманно объяснил я, не упомянув о «Рецепте любви».

«Если ты хочешь узнать, о чем он думает, просто подумай, что бы ты сделал на его месте!»

Без этой подсказки я, наверное, так и не смог разобраться с Конаном.

- О, так я смогла помочь тебе? – Цукимори улыбнулась. Этим взглядом она напоминала заботливую сестру, которая радуется достижению своего младшего братца.

Поэтому я тяжело вздохнул.

«Понятно… она и правда спасла меня», - подумал я.

Она с первого слова догадалась, что это аргументы Конана, а значит, прекрасно знала, о чем мы говорили.

Она была потрясающей актрисой, если вспомнить вечер, когда нас выпроводила из кафе Мирай-сан, - ее откровенно агрессивное поведение было очень необычным, да и то, как она упомянула Конана, вряд ли можно назвать простым упоминанием.

Похоже, она в очередной раз играла со мной. Должен признать: как актер, она гораздо лучше меня.

Из-за того, что я продолжал молчать, она слегка склонила голову: «М-м?»

Она не переставала улыбаться с самого начала. Несмотря на то, что я называл ее «убийцей».

Ее улыбка была похожа на товарный знак. В сознании остальных людей, Ёко Цукимори выглядела всегда улыбающейся святой девой.

Однако я не хотел видеть ее такой. Прямо сейчас я мечтал, чтобы она перестала улыбаться.

Мои пальцы сами потянулись к левому нагрудному карману.

- Точно, я хочу кое-что тебе отдать.

В конце концов, я никак не мог использовать «это». Моя рука скользнула в пиджак.

Я вытащил сложенную вчетверо бумажку. «Что это?» - спросила Цукимори.

Я наблюдал за тем, как Цукимори смотрела на развернутую бумагу.

Со все еще потупленным взглядом она прошептала: «Я всегда рада твоим подаркам, но это на него не очень похоже».

- Ничем не могу помочь - в конце концов, это и правда не подарок. Я просто возвращаю кое-что законному владельцу, - я не отводил от нее взгляда. – Это твое, не так ли?

Я посмотрел ей в глаза, не смея дышать или моргнуть. Можно сказать, что я оберегал «это» только ради этого момента. Я не хотел пропустить ее реакцию.

Она вскинула голову с улыбкой, похожей на полумесяц.

- Да, мое! – с поражающей готовностью подтвердила она.

- Тогда поговорим об этом… «Рецепте убийства».

Именно этот козырь я с успехом защитил от Конана.

Она с иронией засмеялась: «По-другому и быть не могло. Что ж, конечно, ты никогда не пропустишь такой «интригу».»

Кажется, Цукимори была такой же, как и всегда.

- Если честно, то я предпочла бы не говорить об этом, но, если хочешь, я могу оправдать твои ожидания. Взамен обещай мне…

В мыслях я задавался вопросом: заметила ли она легкое изменение на своем лице?

- …что не возненавидишь меня. Хорошо?

Она улыбалась, как и всегда, но ее глаза были серьезны.

Я наблюдал за Ёко Цукимори, какой ее никто не знал. Мне казалось, что я стал чуть ближе к ней. Конечно, лишь этого мне было недостаточно.

Я хотел знать больше о той Цукимори, о которой не ведал никто.

Но спешить незачем – до рассвета еще далеко.

- Ты знала об этом с самого начала?

- О чем?

- О том, что я нашел рецепт убийства.

Эта догадка блуждала в моей голове с первых минут. В конце концов, она ни с того ни с сего попросила меня встречаться с ней, хотя мы практически не общались. Она подошла ко мне сразу после того, как я подобрал рецепт убийства.

Но лишь теперь я убедился. Отсутствие реакции на мое заявление доказало, что она знала обо всем.

Цукимори в раздумьях приподняла брови

- Знала, - в конечном итоге она спокойно кивнула головой. – Помнишь, что случилось на следующий день?

Я напряг память.

- В то утро ты заговорил со мной, Нономия-кун. К моему большому удивлению. И я задумалась, с чего бы. Ну а разгадка нашлась быстро.

- Так я сам вырыл себе могилу… - я машинально хлопнул себя по лбу.

Как по-идиотски все вышло! Поддавшись любопытству, я заговорил с ней, и, конечно, с ее точки зрения все это выглядело не совсем обычно.

Я потряс головой, отгоняя прочь лишние мысли, сделал глубокий вдох и продолжил, тщательно подбирая слова:

- Когда я только нашел рецепт убийства, - я начал развивать тему, словно пытаясь покрыть свой промах, - я думал, что его написала ты. Даже не сомневался, что владелец рецепта – его автор. Впрочем, слово «рецепт» мне не нравилось. Разве это не «план убийства»?

Только мой голос раздавался в залитом луной парке.

- Но когда я узнал, что твоя мать работала учителем в кулинарной школе, то понял, что слово «рецепт», видимо, было для нее обычным термином… и, конечно, твоя мать его и написала. Почерк на рецепте совпадал с почерком на записке, которую я забрал из твоего дома.

- Ты всегда оправдываешь мои ожидания, Нономия-кун, - сказала она и вновь замолчала.

Без сомнений, важное замечание, но оно не отрицало того, что я сказал.

- Итак, я спрошу: почему рецепт твоей матери оказался у тебя?

Я слегка наклонился вперед, чтобы украдкой взглянуть на ее лицо.

- Я случайно нашла ее рецепт после того, как начала учиться в старшей школе…

Оно было спокойным и задумчивым.

- И сразу поняла, кого она хотела убить.

- Твоего отца.

- Да. К слову, это не единственный рецепт убийства – их намного больше. Видимо, я нашла не все.

- Вот как.

Мне захотелось прочесть и те рецепты.

- Думаю, мама так и не догадалась, что я знаю о них. Я ничем не выдавала себя.

- О чем ты тогда подумала? Что ты хотела сделать после того, как нашла рецепты?

- Ну…

Задумчиво глядя на небо, она завела прядь волос за ухо. Наверное, подыскивала подходящие слова.

- Когда я в первый раз прочитала рецепт, то не поверила, что у нее могут быть такие мысли.

Я уставился на девушку.

- Для меня она всегда была обычной домохозяйкой. Женщиной, которая следит за своей внешностью и поведением.

- После похорон довольно сложно представить ее такой.

Я вспомнил сломанную женщину, которую утешала одетая в черное Цукимори. Мне не понравилось то, как хрупкое представление о ее матери разбилось вдребезги.

- Не знаю, за кого ты ее принимал, но не забывай, чьей матерью она была, - улыбка Цукимори могла бы украсить обложку модного журнала. – Моей матерью.

Какая дочь - такая и мать? Нет, «какая мать – такая и дочь» будет вернее. В любом случае, как только я подумал об этом, то сразу все встало на свои места. Также и с ее отцом.

- Моя мать работала в крупнейшей в округе кулинарной школе. Каждый день она вела уроки у огромного количества учеников. Кажется, она еще время от времени принимала участие в кулинарном шоу на местном телевидении и выпустила несколько кулинарных книг. Я слышала, что она была довольно известна - «прекрасный кулинарный ученый».

Мое представление о ее матери снова изменилось.

- Теперь представь, что эта женщина написала такую гадость. Я была поражена, - она слегка пожала плечами, показывая свое удивление.

- Гадость, да? – я повторил за ней одно важное слово.

- Но ты ведь подумал о том же? После того, как я прочла рецепт, я всерьез задалась вопросом: неужто она и вправду собиралась убить кого-то с помощью этого? Это даже не было похоже на план. Теперь мне кажется, что она выбрала слово «рецепт», так как это слишком примитивно для плана.

- А-а, понятно.

Я придерживался того же мнения.

- Точно, для плана убийства он выглядит незавершенным. Можно смело называть себя везунчиком, если он сработает.

- М-м, - согласилась она, но то, что я сказал дальше, заставило ее приподнять бровь.

- Однако мне кажется, что именно незавершенность делает его таким полезным.

- В смысле?

В этом дурацком списке действий я видел свои плюсы. Я с самого начала именно так думал об этом рецепте.

- Кто поверит в план, который строится на удаче?

Цукимори не знала, что сказать. Конечно, ведь всего пару секунд назад она говорила, что это не могла написать ее мать.

- Ведь если представить, что этот план сработал – разве он не выглядел бы как несчастный случай

- Какой занимательный взгляд на рецепт, - кивнула она.

Я продолжил:

- Я знаю один инцидент, подтверждающий мою гипотезу…

- Смерть моего отца? – она ответила до того, как я успел закончить.

- А ты сама веришь в это?

Меня несколько смутила ее неожиданная реакция.

- К чему отрицать? Каждый начнет сомневаться, хоть раз прочтя этот рецепт.

Она, держа листок кончиками пальцев, покачала им возле лица.

Я, наконец, осознал, почему она так меня беспокоила.

- Пока я не нашла рецепты, я и понятия не имела, что у моей матери был такой порывистый нрав. Полагаю, во всем была виновата ревность, – хотя родители давно уже забыли о своих чувствах. У моего отца была любовница. Наверное, ее просто бесило, что у папы была другая женщина. Иногда женщины могут быть ревнивее, чем мужчины. Будь осторожен, Нономия-кун.

Хотя мы говорили о ее матери и ее семье, я чувствовал в ее тоне равнодушие. Словно это ее не касалось. Словно она говорила о сплетнях про соседей.

Я лишь сильнее убеждался.

- Я думаю, это ты убила своих родителей, - прямо сказал я, пока Цукимори смеялась надо мной.

- Даже если у меня нет повода?

Она, улыбаясь, подняла голову.

- Не то чтобы я совсем забыл про мотив. Меня он крайне интересует. Но с теоретической точки зрения тебе вполне это было по силам.

Глаза прищурившейся Цукимори на мгновение стали похожи на полумесяцы.

- Ты уже признала, что написанное в рецепте убийства похоже на аварию, в которой погиб твой отец. И если это была не случайность, а намеренно совершенное преступление, то его мог совершить только тот, кто заранее знал о содержании рецепта.

Цукимори положила подбородок на руку и испытующе взглянула на меня.

- То есть преступление мог совершить только тот, кто прочел рецепт?

Я закрыл глаза и сделал вдох.

- Я знаю, что до аварии рецепт читали трое. Первый - это автор рецепта, твоя мать. Второй, конечно же, я, получивший его по случайности. И наконец…

Я показал на листок, который она держала в руке.

- Та, кто потеряла рецепт, - Ёко Цукимори. То есть, ты.

Цукимори продолжала молчать.

- Я уверен, что Ёко Цукимори могла осуществить такой план, каким бы плохим он ни был.

Она шепотом прервала свое молчание.

- Знаешь ли ты, что я чувствую?..

- Если бы я так легко понимал твои чувства, то не плясал бы под твою дудку все это время.

- Я тронута. Я чувствую столько любви в твоих словах, потому что ты понимаешь меня. Хотя ты наверняка скажешь своим обычным холодным голосом, что я ошибаюсь.

- Ты ошибаешься.

Я выполнил ее просьбу, добавив в голос больше холодка, чем обычно.

Я совсем не понимал ее. Хотя я обвинял ее в убийстве, она улыбалась. Из-за ее искренности я почти поверил, что она ничего не скрывала.

Абсолютная самоуверенность просачивалась сквозь самообладание? Или она думала, что сможет отразить все мои обвинения?

«Этого недостаточно. Пока я не погружусь глубже и не пробью ее скорлупу изнутри, мне никогда не увидеть того, чего я желаю».

- Я все думал, - начал я. – Не слишком ли ты объективна в отношении своих родителей? Ты настолько спокойна, словно говоришь о совершенно чужих тебе людях.

На лице Цукимори проступило сомнение.

- Думаешь? Мне семнадцать, и я уже не в том возрасте, чтобы зависеть от своих родителей. Разве в остальных семьях по-другому?

Я незамедлительно возразил:

- Конечно, по-другому.

Цукимори замолчала и нахмурилась.

- Ох, ну же, тут точно что-то неладно. Твоя мать составляла планы по убийству твоего отца! Вы же одна семья, тебе надо было остановить ее!

Глаза Цукимори на миг расширились.

- Знаешь, почему я спрашивал о том, что ты делала, когда нашла рецепты? Потому что я надеялся, что ты скажешь, что хотела отговорить ее. Но ты говорила только о своих мыслях по поводу рецептов…

Она приоткрыла свой рот, желая что-то сказать.

- Ты вообще хотела остановить ее?

Беспомощность, отразившаяся на ее лице, ответила на мой вопрос яснее, чем любые слова.

Она съежилась, обняв свои стройные ноги.

- Пусть ты почти и не общалась с родителями – странно, что всем вокруг вы виделись идеальной семьей.

Вспоминая поведение Цукимори, я понял, что семья все же была для нее не на последнем месте. После смерти родителей иногда она выглядела очень слабой. Я уверен, семью терять она не хотела.

- Они были неинтересными?

Вот какой вывод я сделал.

Про неинтересные для себя вещи я тоже говорю равнодушно.

- Скорее, нам просто не нужно было интересоваться друг другом, - пробормотала она. – Знаешь, я не ненавидела своих родителей. Честно. Просто семья Цукимори была основана на идее индивидуализма. Невмешательство в дела друг друга было нашим неписанным правилом. Только так мы и могли поддерживать гармонию в семье.

Словно вспоминая, Цукимори слегка прищурилась.

- Я с детства все делала сама. Мама без папы тоже не унывала. Отец же просто следил за бюджетом и не вмешивался в хозяйство. Хочешь верь, хочешь нет, но когда я была ребенком, я считала его добрым дядей, который снабжал нас деньгами.

Ее губы скривились в самоуничижении.

- Как ты и сказал, я никогда не задумывалась о том, чтобы остановить свою мать.

С бессильной улыбкой она опустила взгляд.

- Я приняла рецепт убийства, поскольку считала, что у мамы были свои мысли и своя жизнь. Но, наверное, ты прав – мне нужно было остановить ее.

Она сжала кулаки, ногти впились в ладонь.

- Если бы я росла в другой семье, я бы повела себя по-другому.

Цукимори подняла голову.

- Но знаешь, - беззаботно сказала она. – Меня воспитывали так с самого рождения.

Ее глаза были поразительно чистыми. В искренней и величавой внешности не было ни капельки сожалений. По моему мнению, Ёко Цукимори была очень сильной.

Но в то же время такой одинокой.

В этот возвышенный момент, она была прекрасна и эфемерна, как мираж, заставив трепетать бабочек в моем животе.

- Тебе не было одиноко?

Она прямо ответила на мой вопрос, покачав головой. «Ни капельки», - и улыбнулась.

Жить, не полагаясь ни на кого, должно быть, довольно одиноко. Однако она утверждала, что ничего такого не чувствовала.

- Даже теперь? – я вновь задал ей этот вопрос. – Тебе все еще не одиноко даже сейчас, когда твои родители умерли?

По мне жить так – ужасно одиноко. Может быть, я бредил, но Цукимори, молча сидевшая на качелях, так и выглядела.

Мигом позже она неловко улыбнулась и взглянула на небо. Луна, отражавшаяся в ее глазах, придала им золотистое сияние.

Когда она вновь посмотрела на меня, она заявила:

- Мне не одиноко…

Сейчас она говорила абсолютно серьезно.

- Потому что ты пришел сюда ради меня, Нономия-кун.

В ее глазах и на ее губах не было и тени улыбки.

В этот памятный момент ее улыбка все-таки исчезла.

Часы на башне начали отбивать двенадцать часов.

Ей незачем было убивать своих родителей. По крайней мере, я не мог придумать причн.

Я полностью уверился, что Ёко Цукимори ничего такого не совершала.

И все-таки ее родителей больше нет.

Я прошептал:

- Не знаю, что и сказать.

Да и о чем тут говорить?

Я поднялся с перил, потому я не мог больше сидеть, и пошел в парк, оставив ее позади.

Приводя мысли в порядок, я медленно шел и ощущал землю под ногами при каждом шаге. Мои ноги сами вели меня к обрыву с хорошим видом на город.

Наконец, я дошел до этого обрыва.

Он был обозначен проржавевшей зеленой оградой примерно на уровне пояса. Я перегнулся и посмотрел вниз. Падать отсюда недолго.

Я положил скрещенные руки и подбородок на ограду, из-за чего вся ограда немного прогнулась. Я смотрел на город.

Освещенные улицы заполнили мой взор. Ему было далеко до потрясающей ночной столицы, но мне нравился родной город.

Несмотря на небольшие размеры, в нем всегда что-то происходило. В эту ночь где-то там, внизу неслась красная спортивная машина, которую вел детектив. Не спит ли еще та любительница шоколада? Маленькая девочка, напоминавшая обезьянку, наверняка уже прибыла в страну снов.

Лица людей, которых я знал, промелькнули перед глазами, словно слайд-шоу.

- Разве не очаровательно? Это я и хотела показать тебе, Нономия-кун.

Девушка, которая мелькнула в моей голове последней, похоже, была связана с девушкой, наблюдавшей за городом рядом со мной.

Пронизывающий ветер взъерошил ей волосы. Она обняла себя за плечи.

Это напомнило мне о дождливом дне, когда она полностью вымокла.

Я ни за что не смог бы забыть, как тогда спросил ее, почему люди убивают друг друга. Конечно, я не забыл и ее ответ.

Как только это воспоминание всплыло в памяти, тело внезапно начало дрожать, я стал хихикать.

- Я все-таки нашел ответ. Я, наконец, понял, почему ты убила своих родителей! – прошептал я.

Она лишь спокойно сказала:

- Вот как.

Я видел ее лишь краем глаза, равно как и она меня.

- Потому что тебе этого захотелось.

Когда я, смеясь, сказал это, она ответила с улыбкой девочки, получившей конфетку:

- Ты великолепен.

Как она и сказала той ночью, лишь словом «захотелось» можно было объяснить то, у чего не было причин.

Я засмеялся, потому что этот ответ был очень глуп. Кто в это поверит?

Единственными, кто смогли понять это, были я и… Ёко Цукимори.

Она вдруг подошла ко мне.

- Если все, что ты сказал, - правда, то я ужасная женщина, - прошептала она мне на ухо. – Убила своих родителей, обманывала всех, дурачила тебя и все еще живу, ни о чем не заботясь.

В тот момент… полупрозрачная шаль начала падать на землю.

- Но ведь иногда человека не сковывают правила. Он не ограничен ничем, обладает ужасающей свободой…

Я оторопел. Она, ни секунды не сомневаясь, запрыгнула на ограду, и забор стал медленно прогибаться к пропасти вместе с ней.

- Нономия-кун. Тебе решать! Если ты не накажешь меня, ужасная женщина Ёко Цукимори останется на воле.

Сидя на ограде, она сделала немыслимое –отклонилась назад, к пропасти. Ее волосы спадали вниз в бездонную тьму. Только ее белые стройные руки удерживали стройное тело от падения. Ее белоснежная шея была прямо перед моими глазами.

- Тебе решать, достойна ли я жить… ты ведь понимаешь?

Легкого толчка в грудь будет достаточно, чтобы она упала.

- Ты сошла с ума?.. Ты хоть понимаешь, о чем говоришь?

Я стал сомневаться в ее адекватности.

- Кто знает? Я считаю, что я в здравом уме. Ну, хотя я и вправду сошла с ума, раз уж мне нравится такой чудак, как ты.

Словно наслаждаясь лунным светом, она безмятежно закрыла глаза.

- Я давным-давно решила посвятить всю себя моему «избранному». Уж поверь.

Похоже, что «все» включало в себя и ее жизнь.

- Я тебя ни черта не понимаю. Кто вообще этот избранный?

Ее ответ был коротким и ясным.

- Мой принц.

Ее слова сопровождались счастливой улыбкой. Ни тени страха, она была серьезна.

Внезапно образ ее матери, описанный Конаном, мелькнул в моей голове. По моему телу пробежала дрожь. Я представил себе...

Перед глазами появилась поразительно прекрасная картина мертвого тела Ёко Цукимори, окруженного бесчисленными азалиями.

Я сглотнул. Я был возбужден до предела. Мои пальцы сами потянулись к ее груди.

Когда их кончики коснулись ее груди, она ахнула и оттянула носки туфель.

Кровь начала закипать от переполнявшего меня волнения. О, какое сладкое искушение! Всего лишь одним пальцем я мог оборвать жизнь Ёко Цукимори.

Ее превосходное белоснежное платье выглядело для меня погребальным одеянием.

Она без сомнений уже сделала необходимые приготовления. Я подозревал, что в ее сценарии была строка «убитая горем девочка последовала за родителями в лоно смерти».

Другими словами, столкнув ее вниз, я останусь безнаказанным.

Она называла меня своим принцем. Если бы я на самом деле был принцем, моя роль заключалась бы в том, чтобы освободить принцессу, запертую в замке.

«Цукимори. Прости, что не оправдываю твои ожидания, но я не принц. Я всегда был и буду наблюдателем. Эта роль подходит мне больше всего».

Мое сердце забилось сильнее. Дыхание побуждало меня довести дело до конца. Сделав глубокий вдох и стиснув зубы, я медленно потянулся к девочке в погребальном одеянии и – скользнув рукой по ее спине, изо всех сил потянул ее к себе.

Я упал на спину, держа ее в руках. Пока я кривился от боли, она приподнялась, усевшись на меня.

- Не забывай, - начала она, приложив руку к груди, - что ты спас эту жизнь.

«Ты сам подобрал щенка, так что следи и ухаживай за ним тоже сам», - когда я вспомнил слова своей матери, мое настроение опустилось ниже плинтуса. С каких пор я стал таким хорошим?

- Ты проверяла меня?

- Не волнуйся. Ты не пожалеешь, что спас меня.

Она с оптимизмом сжала руку в кулак. По ее почти провокационной улыбке я понял, что она предвидела такое развитие событий.

Я засмеялся.

- Я давно жалею…

…Что встретил тебя.

- Прости, но ты не могла бы слезть с меня?

Она нагло сидела на нижней части моего живота. Хотелось заняться ее воспитанием.

К несчастью, она не намеревалась слезать с меня. Она опустилась на колени, поставила руки по обе стороны от моей головы, склонилась и начала говорить, смотря прямо в глаза:

- Что ты сделаешь? Что ты хочешь сделать? Доложишь полиции о рецепте и о том, что я тебе рассказала?

При каждом движении ее чарующих губ мои волосы развевались от ее дыхания.

- Я не стану останавливать тебе!

Скорее всего, она не провоцировала меня - ее лицо все еще было безмятежно, ее голос был искренен.

- Какая ты смелая.

Я нахмурился.

- Неужели думаешь, что сможешь одурачить полицию? Или ни во что не ставишь мои способности?

- Нет! – она покачала головой. – Я просто знаю, что невиновна.

Она была спокойна.

- Давай кое-что проверим… если бы случилась авария, походившая на убийство, и я сказала бы тебе, что она случилась лишь из-за случайного стечения обстоятельств, ты бы мне поверил?

Волосы Цукимори развевались ночным ветром и щекотали кончик моего носа.

- Конечно нет!

Из-за ее совершенного спокойствия я на миг помедлил.

- Правда? Ты все равно мне не поверишь, так что я просто позволю тебе делать то, что хочется.

Мигом позже на ее лице появилась улыбка, которую в моем воображении сопровождали кружившиеся на ветру перья.

- Но помни, что для меня есть только одна истина.

Может ли смеющийся так человек быть лжецом?

Я не знал.

- К тому же, я выбрала тебя. Так что нет ничего странного, что я уважаю твое решение, даже если оно не совпадает с моим желанием.

- Выбрала? – с подозрением повторил я.

«Выбрала» звучало иначе, чем «избранный». Похоже, что «выбрала» означало что-то вроде «доверяла».

- Ты понял неправильно лишь одно, Нономия-кун.

- Что же?

- Ты не случайно нашел рецепт убийства.

- Что?..

Я невольно повысил голос.

- Пожалуйста, вспомни тот день.

Он все еще вертелся в моей памяти. Это произошло после школы. Я нашел рецепт убийства в ее блокноте, который она уронила на землю.

Внезапно она хихикнула.

- Я очень способная девушка, ты же знаешь. Неужели ты думаешь, что кто-нибудь вроде меня…

В тот момент ее лицо надолго отпечаталось в моей памяти. Оно было потрясающе жестоким и прекрасным.

- …может потеряет такую важную вещь?

Невозможно. Она никак не могла так ошибиться, ибо была единственным совершенным человеком, которого я знал.

В тот день я был на собрании – регулярном собрании старост. От парней старостой был я. Так кто был от девушек?

Эта была девушка прямо перед моими глазами.

«Точно, она поспешила вернуться в класс после того собрания. Полагаю, что она сделала это для того, чтобы выиграть время, чтобы убедиться, что рецепт убийства попадет в мои руки

“случайно”».

Как я не заметил? Утренний поиск рецепта был лишь игрой на публику, она хотела убедить меня, что «случайно» потеряла его.

Похоже, я плясал под ее дудку с самого начала. От осознания этого унизительного факта я застыл на месте и даже был напуган. Я был настолько шокирован, что даже не стонал.

Цукимори, хихикая, слезла с меня.

- Все шло по моему плану. И сейчас идет. Мои желания определяют, как все сложится.

Обычно такие утверждения выглядят чрезвычайно надменными, но когда их говорит Ёко Цукимори, они звучат нерушимым фактом.

- Но тебе не кажется, что такая жизнь ужасно скучна? Есть ли смысл в жизни?

Она зашагала к своей шали, лежавшей на земле.

- Тебя не интересует подарок, если ты уже знаешь, что внутри, - она опустила плечи. – Тем не менее, я решила быть такой Ёко Цукимори, о которой все мечтали, потому что легко играть примерную ученицу и не так-то плохо ощущать, что ты соответствуешь ожиданиям.

Подняв шаль, она вновь накинула ее на плечи, легко оттолкнулась от земли, словно балерина, и приземлилась прямо у моей головы. Тень закрыла мой взор, и я был почти уверен, что луну закрыли темные облака. Но это она склонилась надо мной, положив руки на бедра.

- Хочешь знать, почему я доверила рецепт тебе, Нономия-кун?

Я уже чувствовал, что такое лукавое лицо не сулило хорошего ответа.

- Потому что ты выглядел самым скучающим человеком из тех, кого я только встречала! – сказала она так, словно нашла что-то дорогое своей душе.

Я отвел взгляд.

Прямо в яблочко.

Как она и сказала, я всегда жаловался на то, каким скучным выглядел для меня мир. Мое воображение всегда было тайным убежищем, где я отдыхал от скуки повседневной жизни.

Я поднял рецепт убийства и встал на ноги.

- Ты превзошел все мои ожидания. Разговаривать с тобой оказалось так увлекательно, Нономия-кун. Каждый день стал таким захватывающим, когда ты пришел в мою жизнь. Мое сердце билось чаще. Я сразу поняла, что ты мой «избранный судьбой». Потому было так легко помешаться на тебе.

Все происходило согласно ее плану, и я, глупец, с готовностью заглотил наживку.

С тяжелой походкой я зашагал к ограде, словно притягиваемый ею. По звуку шагов я заметил, что она побежала за мной.

- Ах!..

Ограда заскрипела. Цукимори с силой схватилась за нее и, склонившись, посмотрела на тьму рядом со мной. Она быстро поняла, что больше ничего не могла сделать, выпрямилась и повернулась ко мне.

- Ты не пожалеешь об этом?

Моя правая рука висела над пропастью.

Белый бумажный самолетик выписывал в воздухе круги, медленно погружаясь во тьму. Он, наверное, зацепится за какой-нибудь выступ и со временем превратится в пыль.

- Все хорошо. Он больше не нужен.

Я был таким же. Я не искал истины, лежавшей за рецептом убийства, из-за чувства справедливости.

- Так ты веришь в мою невиновность?

Я повернулся к ее улыбающемуся лицу и холодно заявил: «О чем ты? Конечно, я все еще подозреваю тебя!»

Она прищурила глаза.

- Ты нелогичен. Зачем тогда ты выбросил рецепт убийства?

- Кто поверит в такую абсурдную историю? Что мне сказать полиции, если они спросят о твоем мотиве? Думаешь, что «ох, похоже, ей так захотелось» пройдет?

Не зная ее, не понять и мотив. Увидев истинное лицо Ёко Цукимори, только я бы услышал такое заявление.

- Но разве у тебя нет другого выбора? Это ответ, который ты нашел. И не важно, поверят тебе или нет, - игриво сказала она.

- Ага. Я только опозорюсь, - ответил я, покачав головой.

Магия исчезла, как только я протянул рецепт убийства, свою козырную карту, ей и раскрыл его содержание.

Я понял, что, в конце концов, рецепт убийства был просто «клочком бумаги».

Она показала мне, что он был ценен не тем, что был рецептом убийства, хотя я лелеял его, как собственную жизнь, но тем, что был рецептом убийства Ёко Цукимори.

В тот момент, когда я оправился от шока от игры в кошки-мышки, на меня хлынуло другое чувство.

Это чувство, так не подходившее моему характеру, можно было описать, как защитную реакцию.

Как она и сказала, она доверила рецепт мне, потому что я очень скучал. Потому что она поняла, что я наверняка проявлю интерес к тому, что предлагал этот рецепт.

Я служил источником развлечения.

Она тоже искала чего-то захватывающего в своей скучной повседневной жизни. В этом плане наши интересы дополняли друг друга.

Однако я пришел к другому выводу.

По мне, груз рецепта убийства мог оказаться для нее слишком велик.

Она была потрясена. Находка рецепта убийства и совершенно неожиданной стороны своей матери беспокоило ей больше, чем она могла себе представить. Она неосознанно продолжала думать, что с этим делать, и, в конце концов, после долгих поисков доверила рецепт мне.

Этот сигнал нельзя было назвать просьбой о помощи. Возможно, она просто хотела поделиться информацией. Может быть, она всего лишь хотела, чтобы про него узнал кто-то еще.

Этот груз и вправду был чересчур велик, чтобы нести его одному.

Может быть, я слишком много воображал, но я ничего не мог с этим поделать, потому что именно такое впечатление у меня сложилось. Моя досада испарилась.

Мысль о том, что сама Ёко Цукимори, которая могла гордиться тем, что она единственный совершенный человек в мире, тряслась, как беспомощная девочка и полагалась на меня, заставила сердце забиться чаще.

«Как же чудесно», - говорило оно.

Мой взгляд упал на циферблат часовой башни.

- Уже за полночь?

Когда я прошептал это, она поспешно развернулась, подол ее платья крутанулся, как зонтик. Стрелка часов давно перевалила за полночь.

- Боже мой. Как я могла пропустить такое важное событие?

Какая редкость – она была обескуражена.

- Вообще-то, сегодня – мой день рождения. Ох, а как же мой план выклянчивать у тебя все, что на ум придет, как только пробьет двенадцать…

- Поздравляю, - сказал я до того, как она продолжила.

Поправив одежду и прическу, она повернулась ко мне, улыбаясь во все лицо.

– Знаешь, Нономия-кун, мой день рождения уже наступил…

- Я только что поздравил тебя. Ты не слушала?

- Слушала, так что запоздало благодарю. Но, видишь ли, я бы предпочла не только слова, но и…

- Нет.

- Я еще не закончила, Нономия-кун. Ты должен слушать, что говорят другие.

- Запомни кое-что, Цукимори. У меня не такие хорошие манеры, чтобы слушать предвестие беды.

- Не беспокойся! Я не стану просить никакого дорогого подарка. Что ж, это подарок, но скорее воспоминание, - сказала она, доставая мобильный телефон и вертя им перед моим носом. – Я хочу сделать сфотографировать нас.

- Ты же знаешь, что я не люблю фотографироваться.

- Не любишь?

Прикинулась, что не знает. Усами как-то раз в кафе попросила меня сфотографироваться. Цукимори точно это видела.

- Пожалуйста. Я больше ничего не попрошу. Этот день только раз в году, ну пожалуйста!

Несмотря на мольбу в голосе, она схватила меня за запястье обеими руками. Она собиралась заполучить то, что желала.

- Хорошо! Но только одну, поняла?

Я быстро сдался, потому что знал, что усилия, затраченные на преодоление ее упрямства, не стоили того.

- Спасибо огромное! – она возликовала, захлопав в ладоши. – Давай сфотографируемся у часовой башни! – сказала она и тут же зашагала, потянув меня за руку.

Башня была высотой в три наших роста и окрашена в белый цвет.

- М-м, где бы встать?.. – она не могла решить, где нам сфотографироваться. Когда я сказал, что это не имеет значения, она упрекнула меня, сказав, что у нее всего один шанс.

Когда она спросила меня, позволю ли я в таком случае сфотографировать нас несколько раз, мне пришлось захлопнуть рот, опереться о стену и ждать, пока она не выберет место.

Я никак не мог понять, чем одно место отличается от другого, но она удовлетворенно сказала: «Да, здесь. Похоже, тут будет лучше всего».

- Подойди сюда, - она помахала мне рукой. Я подошел к ней.

Она была ко мне так близко, как никогда раньше. Кроме ее тонкого платья, я чувствовал и кое-что иное, не имевшее никакого отношения к одежде.

- Мы не поместимся в кадре, если я так не сделаю, - заявила она, вытянув руку с мобильным телефоном, до того, как я мог возразить. Подумав, что лучше мне сфотографировать нас, потому что у меня руки длиннее, я взял у нее телефон. Когда я узнал, на какую клавишу мне нужно нажать, она попросила меня немного подождать и сняла шаль.

Я смотрел на нее с вытянутой рукой, думая о том, что она делает, пока она оборачивала шаль вокруг головы, закрепив ее белым цветком, который она использовала, как украшение.

- Хорошо, - сказала она и, возможно, из-за моего подозрительного взгляда добавила: - Разве это

не мило и не в духе принцессы?

И правда, ей это очень шло.

Я нажал на кнопку по ее сигналу, раздался щелчок. Она нетерпеливо забрала у меня телефон, чтобы посмотреть на фото.

Разглядывая его, она слегка кивнула: «Да, прямо как я себе и представляла».

Время от времени она даже хихикала. Хорошо, что ей понравился этот подарок.

- Спасибо, что позволил сделать эту фотографию. Я буду дорожить ею.

- Да, дорожи ею так сильно, чтобы никто никогда ее не увидел, и я буду спокоен.

Мне даже не хочется представлять, что случится, когда парни из нашей школы узнают об этой фотографии. Компания Камогавы первой пришла на ум.

- Какая жалость. Я уже представила, как буду хвастаться ею перед Мирай-сан и Чизуру…

Слава богу, теперь ты этого не сделаешь.

- Ох, что ж, буду наслаждаться ею одна. Смотреть на нее во время занятий с широкой улыбкой. Целовать ее перед сном.

- Стоит удалить фотографию прямо сейчас?

- Да шучу я, - она озорно засмеялась.

Вот что значит иметь над кем-то преимущество.

- Хочешь взглянуть?

- С удовольствием.

Так как она собиралась хранить это фото, мне нужно было проверить, как я на нем получился.

Я приблизил лицо к экрану телефона, который она держал у своей груди, слегка согнув колени. И услышал ее слова, когда мое ухо было рядом с ее губами.

Подождав, пока я не рассмотрел фотографию, она прошептала:

- Видишь? Мы выглядим, словно жених и невеста на тайной свадьбе у церкви.

Я уставился на экран. На фотографии были мужчина в черном костюме и женщина в белом платье, счастливо прижавшиеся друг к другу.

Немного включив воображение, шаль на голове девушки выглядела, как фата невесты. И, как только я увидел девушку в таком виде, парень представился одетым во фрак.

Фантазия – страшная сила: я заметил, что часовая башня выглядела, словно церковь. Если бы

невеста держала в руках букет, это было бы настоящей свадебной церемонией.

Я вытянул руку, чтобы забрать телефон, но она ускользнула от меня, развернувшись, словно кружившийся на ветру лепесток.

- Отдай мне телефон.

- Нет! Я знаю, ты хочешь удалить фотографию.

- Конечно, хочу!

Я снова протянул к ней руку. Однако она отдалялась от меня, словно маленькая фея, танцующая на воде. Тогда она забралась на горки.

- Нономия-кун, я здесь! – и она невинно замахала, почти как ребенок.

Ёко Цукимори на самом деле была свободной и дикой. Для меня это было чересчур.

- Я ухожу.

Эта ночь утомила меня.

- Постой! – крикнула она, когда я прошел мимо горок, намереваясь уйти из парка. Я просто повернул голову и посмотрел на нее.

- Почему ты пришел один?

Под лунным светом Цукимори в фате выглядела так же величественно, как Жанна Д’Арк.

- Почему ты никому не сказал о рецепте убийства? Ты мог сделать это в любое время. Да хоть бы Конану… Думаешь, он бы не убедил всех в своей правоте? – несколько мрачно спросила она меня.

В ее глазах был лишь я.

Я согнулся от смеха.

Почему? Потому что я сразу понял, как легко могу ответить на ее вопрос. Подумать только, я не знал ничего о себе, хотя был так осторожен со всеми. Я в самом деле был идиотом.

Теперь я понял.

Убила ли она родителей или кого-то еще или нет, была ли она невиновна, было ли это несчастным случаем, который больше всего походил на умышленное убийство, несмотря на то, что это была всего лишь авария, случившаяся из-за случайного течения обстоятельств… Это не имело значения.

Она приподняла бровь.

- Все просто… - сказал я, смотря в небо.

- Я – единственный в этом мире, кто имеет право сомневаться в тебе.

Нам не были нужны другие. Мне было бы достаточно одной настоящей Ёко Цукимори.

Наконец, холодный ночной ветер донес до меня горячий шепот.

- М-м, я все-таки не одинока.

Мои глаза были широко раскрыты, когда я повернулся к горке, освещаемой серебристым лунным светом.

Она улыбалась со слезами на глазах, чуть не плача от радости.

Не зная, что сказать, я закрыл рот и развеял по ветру образ Ёко Цукимори, которую я не знал.

Внезапно она присела и заскользила вниз, не заботясь об одежде, подбежала ко мне и запрыгнула прямо на мою спину, обхватив за шею шею.

Уткнув лицо в моей спине, она глухо сказала:

- Ты единственный в мире, кто может сомневаться во мне.

Ее голос был радостным.

Я не настолько вежлив, чтобы позволять кому-нибудь запрыгивать на меня без разрешения, но она так крепко прижималась ко мне, что я не мог освободиться. Она словно заковала меня в кандалы, что ужасно хорошо описывало наши отношения.

Я прекратил сопротивляться и с вздохом взглянул на небо.

Серебристый свет луны падал на землю, словно шелковые нити, поглощаемые землей. Словно луна хотела окрасить все, что было на земле, в свой белый свет.

По сравнению со светом луны весь остальной свет выглядел тускло. Не имело значения, как ярко сияли звезды, как светло было в городе - ничто не могло затмить луну.

Я неосознанно потянулся к луне… зная, что не смогу дотянуться.

Решение, которое я принял сегодня ночью, могло оказаться неправильным. Возможно, я буду долго о нем жалеть.

Нет, у меня может и не быть возможности пожалеть о нем.

Потому что я смог узнать Ёко Цукимори.

Я закрыл глаза.

Луна в эту ночь была тепла и нежна.

http://tl.rulate.ru/book/6269/115460